

Содержание

Жак Превер — мудак. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	7
“Мираж”. Фильм Жан-Клода Гиге. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	11
На пороге растерянности. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	14
Утраченный взгляд. Похвала немому кино <i>Перевод Нины Кулиш</i>	37
Беседа с Жан-Ивом Жуанне и Кристофом Дюшатле <i>Перевод Нины Кулиш</i>	40
Искусство как снятие кожи. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	51
Абсурд как креативный фактор. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	54
Праздник. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	63
На паузе. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	68
Opera Bianca. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	91
Письмо Лакису Прогидису. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	103
К вопросу о педофилии. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	110
Человечество, стадия 2. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	114
Пустые небеса. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	122
Мне снится сон. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	124
Нил Янг. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	128
Беседа с Кристианом Отье. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	133
Утешение технологией. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	147
Небо, земля, солнце. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	152
Уйти из XX века. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	154

Филипп Мюре в 2002 году. Перевод Ирины Стаф	160
К частичной реабилитации обывателя	
<i>Перевод Ирины Стаф</i>	169
Консерватизм как источник прогресса	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	172
Прелиминарии к позитивизму. Перевод Ирины Стаф	177
Я нормальный. Нормальный писатель	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	186
Я читал всю жизнь. Перевод Ирины Стаф	193
Срезы почвы. Перевод Ирины Стаф	198
Утраченный текст. Перевод Марии Троицкой	204
Беседа с Фредериком Бегбедером	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	209
Лекарство от экзистенциального выгорания	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	221
Беседа с Мареном де Вири и Валери Тораньян	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	226
Беседа с Агатой Новак-Лешевалье	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	258
Эмманюэль Каррер и проблема добра	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	277
Дональд Трамп — хороший президент	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	289
Разговор с Жоффруа Лежёном. Перевод Марии Троицкой	297
Чуть хуже. Ответ некоторым моим друзьям	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	327
Дела Венсана Ламбера не должно было быть	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	333
Источники	341

Жак Превер — мудака

Жак Превер написал стихи, которые учат в школе. Из стихов явствует, что он любил цветы, птичек, уголки старого Парижа и т. д. Он полагал, будто любовь может расцвести только в условиях свободы. В более широком смысле можно сказать так: *в принципе* он был за свободу. Он носил кепку и курил “Голуаз”; иногда его путают с Жаном Габеном, вероятно, потому, что это он написал сценарии фильмов “Набережная туманов” и “Врата ночи”. А еще он написал сценарий фильма “Дети райка”, который считается его шедевром. Все это дает более чем веские основания ненавидеть Жака Превера, особенно если прочесть сценарии, написанные в те же годы Антоненом Арто, но так и оставшиеся невостребованными. Грустно констатировать тот факт, что омерзительный *поэтический реализм*, отцом-основателем которого был Превер, продолжает свирепствовать и в наши дни; что люди воображают, будто делают компли-

Статья опубликована в еженедельнике *Lettres Françaises* (№ 22, июль 1992), а также в сборниках *Interventions* (Flammarion, 1998) и *Interventions 2* (Flammarion, 2009).

мент Лео Караксу, причисляя его к этому направлению (по той же логике Эрик Ромер, очевидно, должен считаться новым Саша Гитри и т. д. и т. п.). Французское кино так и не смогло оправиться от вторжения звука; рано или поздно оно от этого окончательно загнется, но туда ему и дорога.

В послевоенные годы, примерно в то же время, что и Жан-Поль Сартр, Превер пользовался громадным успехом — поразительно, какими оптимистами были люди той эпохи. Сегодня наиболее влиятельным мыслителем был бы, наверное, Чоран. В те годы слушали песни Виана, Брассенса... На скамейках сидят, целуясь, парочки, как голубки, беби-бум, массовое строительство дешевого жилья для всей этой публики. Сплошной оптимизм и вера в будущее и чуть-чуть мудизма. Да, с тех пор мы явно поумнели.

С интеллектуальным читателем Преверу повезло меньше. Хотя в его стихах сплошь и рядом попадается дурацкая игра слов, за которую так любят песни Боби Лапуэнта; но ведь песня — это, так сказать, *малый жанр*, а интеллектуалу тоже иногда надо расслабиться. Однако по отношению к написанному тексту — то есть к тому, что для самого интеллектуала составляет основной заработок, — он беспощаден. А “работа над текстом” у Превера пребывает в зачаточном состоянии: он пишет ясно, прозрачно и с полнейшей естественностью, порой даже с чувством. Его не заботят ни проблемы стиля, ни проблема творческой немоты; по-видимому, сама жизнь является для него неиссякаемым источником вдохновения. Поэтому вряд ли кому-то придет в голову препарировать его поэзию в диссертации. Тем не менее сегодня он причислен к сонму великих, а это все равно что вторая смерть. Его творчество перед нами, завершённое

и застывшее, словно памятник. Это дает прекрасный повод задуматься: почему поэзия Жака Превера настолько посредственна, что при чтении мы порой испытываем чувство стыда? Обычное объяснение (его стилю “недостает строгости и выразительности”) тут не годится; с помощью игры слов, ритмической легкости и ясности Превер полностью раскрывает перед нами свое видение мира. Форма отвечает содержанию, а это максимум того, что можно требовать от формы. И вообще, когда поэт до такой степени погружен в жизнь, в реальную жизнь своего времени, было бы просто оскорбительно подходить к нему с чисто стилистическими критериями. Если Жак Превер пишет, значит, ему есть что сказать; честь и хвала ему за это. К несчастью, то, что он имеет сказать, бесконечно глупо, иногда глупо до тошноты. Красивые обнаженные девушки, буржуа, которых надо резать, как свиней. Дети прелестно аморальны, бандиты мужественны и неотразимы; красивые обнаженные девушки отдаются бандитам; буржуа — старые жирные импотенты с орденом Почетного легиона, их жены фригидны; священники — омерзительные старые мокрицы, которые выдумали грех, чтобы не дать нам жить полной жизнью. Все это давно известно, лучше уж почитать Бодлера. Или даже Карла Маркса, который по крайней мере знает, в кого метит, когда пишет, что триумф буржуазии утопил священный трепет религиозного экстаза, рыцарского воодушевления и дешевой сентиментальности в ледяных водах эгоистического расчета. Интеллект не помогает человеку писать хорошие стихи, но может помешать ему написать плохие. Если Жак Превер — плохой поэт, то прежде всего потому, что его видение мира пошлое, поверхностное и лживое. Лживым оно было еще при его

жизни, а сегодня никчемность Превера-поэта совершенно очевидна, так что все его творчество кажется бесконечным повторением одного и того же громадного клише. В философском и политическом плане Жак Превер — убежденный анархист, то есть, по сути дела, недоумок.

Сегодня мы барахтаемся в “ледяных водах эгоистического расчета” с самого нежного возраста. Можно приспособиться, попытаться выжить, а можно безропотно утонуть. Но совершенно невозможно представить себе, что одного раскрепощения наших желаний будет достаточно, чтобы согреть эти ледяные воды. Говорят, слово “братство” было включено в девиз Республики по настоянию Робеспьера. Сегодня мы можем оценить этот анекдот по достоинству. Превер, без сомнения, считал себя сторонником братства, но ведь и Робеспьер отнюдь не был противником добродетели.

“Мираж”

Фильм Жан-Клода Гиге

Культурная буржуазная семья отдыхает на берегу Женевского озера. Классическая музыка, короткие, насыщенные диалогами эпизоды, панорама озера — все это может создать ощущение *дежавю*. Тот факт, что девушка занимается живописью, только усиливает наше беспокойство. Но нет, речь не об очередном клоне Эрика Ромера. Как ни странно, речь идет о чем-то большем.

Когда в фильме постоянно соседствуют раздражающее и пленительное, редко бывает, чтобы победа осталась за пленительным; но здесь происходит именно так. Актеры не всегда убедительны, им трудно было произносить такой витиеватый, порой до смешного вычурный текст. Критики скажут, что исполнители не смогли найти верную интонацию, — возможно, это не только их вина. Попробуйте найти верную интонацию для такой вот фразы: “Хорошая погода с нами заодно”. Только мать, Луиза Марло, безупречна от начала до конца,

Статья опубликована в еженедельнике *Lettres Françaises* (№ 27, декабрь 1992), а также в сборниках *Interventions* (Flammarion, 1998) и *Interventions 2* (Flammarion, 2009).

и, вероятно, именно благодаря ее великолепному любовному монологу (в кино любовный монолог встретишь нечасто) фильм покоряет нас окончательно. Можно простить несвязность некоторых диалогов, назойливость некоторых музыкальных лейтмотивов, впрочем, в заурядном фильме все это осталось бы незамеченным.

Взяв за основу простой и трагичный сюжет (весна, чудесная погода; пятидесятилетняя женщина жаждет в последний раз изведать плотскую страсть; но природа столь же жестока, сколь и прекрасна), Жан-Клод Гиге пошел на огромный риск: стал добиваться формального совершенства. В итоге получилось нечто равно далекое и от рекламного клипа, и от ползучего реализма, и уж совсем далекое от произвольного экспериментирования; в этом фильме нет изысков, есть только поиск чистой красоты. Классически ясное, простое, но не лишенное дерзости построение эпизодов находит точное соответствие в безупречной геометрии кадрирования. Все это строго и тщательно выверено, как грани у бриллианта, — в общем, редкое произведение искусства. Редкое еще и потому, что в каждой сцене свет глубоко и тонко соответствует эмоциональному настрою. Освещение и оформление в интерьерах решены удивительно точно и с бесконечным тактом. Они держатся на заднем плане как приглушенный, лаконичный оркестровый аккомпанемент. Только в натуральных съемках, на озаренных солнцем лугах у озера, свет торжествует, играет главную роль, и это опять-таки абсолютно отвечает идее фильма. Плотское, жуткое сияние лиц. Сверкающая личина природы, под которой, мы отлично знаем, скрывается омерзительное копошение, но ко-

тору ю тем не менее невозможно сорвать, — никогда еще, к слову сказать, дух Томаса Манна¹ не был передан с такой глубиной. Нам не приходится ждать ничего хорошего от солнца, но, быть может, человеческим существам все же хоть в какой-то мере удастся любить друг друга. Не помню, чтобы в кино мать настолько убедительно говорила дочери: “Я люблю тебя”; я не встречал такого ни в одном фильме.

Со страстью, с тоской, почти с болью “Мираж” стремится к тому, чтобы стать утонченным, *европейским* фильмом; как ни странно, он достигает этой цели, сочетая в себе подлинно германскую уязвимость с истинно французской гармоничностью и классической ясностью изложения. Да, это в самом деле редкий фильм.

1 В основу фильма положена новелла Томаса Манна “Обманутая”.
(Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)

На пороге растерянности

*Я сражаюсь против идей, в существовании
которых я даже не уверен.*

АНТУАН ВЕХТЕР¹

Современная архитектура как вектор ускорения перемещений

Известно, что широкая публика не любит современное искусство. Однако этот очевидный факт на самом деле отражает две противоположных позиции. Случайно оказавшись там, где выставлены произведения современного художника или скульптора, среднестатистический прохожий непременно остановится перед ними — хотя бы для того, чтобы поиздеваться. Его позиция будет колебаться между иронической улыбкой и откровенным глумлением, но в любом случае у него возникнет импульс *осмеять* увиденное. Самая ничтожность этих произведений искусства станет для него успокоительной гарантией их безвредности. Ко-

Эссе опубликовано в коллективном сборнике *Genius Loci* (La Différence, 1992); перепечатано в сборниках *Dix* (Les Inroductibles/Grasset, 1997), *Interventions* (Flammarion, 1998), *Rester vivant et autres textes* (Librio, 1999) и *Interventions 2* (Flammarion, 2009).

¹ Антуан Вехтер — французский общественный и политический деятель, один из руководителей движения зеленых в начале 1990-х гг.

нечно, он *потеряет время*, но, в сущности, без особого неудовольствия.

А вот в окружении современной архитектуры прохожему будет не до смеха. При соответствующих условиях (поздно вечером или под завывание полицейских сирен) можно наблюдать четко выраженное состояние *тревоги* с усилением секреторной деятельности организма. Но в любом случае функциональный аппарат реагирования — органы зрения, опорно-двигательный аппарат, — перейдет в режим повышенной активности.

Так бывает, когда туристический автобус, заблудившись в лабиринте непонятных дорожных указателей, выгружает пассажиров в банковском квартале Сеговии или в деловом центре Барселоны. Оказавшись в привычном мире стали, стекла и светофоров, туристы сразу обретают быстрый шаг, твердый и наблюдательный взгляд, которые соответствуют данной окружающей среде. Ориентируясь по картинкам и надписям, они вскоре добираются до исторического центра города, до соборной площади. Их походка тут же замедляется, взгляд делается неуверенным, почти блуждающим. На лице появляется выражение изумления и растерянности (феномен разинутого рта, характерный для американцев). Эти люди явно оказались перед необычными, сложными для их понимания визуальными объектами.

Вскоре, однако, они обнаруживают на стенах пояснительные надписи — благодаря усилиям местного комитета по туризму историко-культурные ориентиры восстановлены; теперь наши путешественники могут доставать видеокамеры, чтобы запечатлеть на память свои перемещения в *размеченном* культурном пространстве.